Спустя два дня после рыбалки Элли все еще ощущала его вкус на своих губах. Сбежав из озера, она вернулась в крепость и спряталась в камерах внизу. Она могла думать, что это было единственное место, где ее не будут искать... и она была права. Она плакала сильнее, чем за долгое время, одна в темноте. Воспоминание о его руках, его губах, его теле, прижимающемся к ее телу, мучающем ее в ее бессонном существовании.

«Но это был ее выбор», — продолжала она говорить себе, раскачиваясь. Слезы затуманивали ее зрение, дыра в ее груди, которую он так легко заполнил за один день, открылась заново, и ей показалось, что она умирает снова. Почему она пошла с ним? Почему она была такой слабой? Она была монстром, который причинял боль всем, кто был рядом с ней, а ведьмаки убивали монстров.

Через два дня после рыбалки Элли сидела в темноте. Слезы прекратились, но дыра все еще пульсировала. Из-за холода она потеряла почти все остальные ощущения в руках и ногах, так как спустилась вниз в мокрой одежде, в которой была. Из своего жалкого оцепенения ее вывел голос, зовущий ее по имени. Это было тяжело и наполнено отчаянной тревогой, и на одно мимолетное мгновение она почувствовала, как ее охватил страх. Затем ей в нос ударил запах розмарина, и она почувствовала, как напряжение покинуло ее.

Эскель все еще звал ее по имени, когда появился внизу лестницы. Она могла лишь смутно видеть его в тени, свет сейчас не был в ее списке приоритетов. Его глаза слегка светились в тусклом свете, и она услышала, как он выругался, прежде чем вспыхнул свет, зависший на мгновение над его рукой. Он зажег дремлющий факел в подсвечнике и дико огляделся. Зрачки его глаз, как у кота, расширились, и они лихорадочно метались по мрачному подземелью. Они заметили ее спрятавшейся далеко в углу камеры, в которую ее изначально поместили, с заплесневелой соломой, обернутой вокруг нее, как одеялом.

— Элли, слава богам. Сказал он, и в его голосе послышалось облегчение, когда он пробрался в камеру. Дверь громко визжала в знак протеста. Сидя перед ней на корточках, его дикие глаза осматривали ее, ища какую-нибудь травму или ключ к ее общему состоянию. 'Что ты здесь делаешь? Мы ищем вас уже два дня.

Она подняла голову, не совсем глядя ему в глаза. — Цитадель полна ведьмаков, и тебе потребовалось два дня? Похоже, тебе нужна практика. Юмор, который она хотела, не совсем дошел до ее голоса, и Эскель только выглядел еще более обеспокоенным, когда она слабо рассмеялась.

'Эл. Что случилось? Мы думали, ты заблудился. Ламберт сказал, что ты исчез после того, как пошел на рыбалку.

— Он? Сказала она, наклонив голову вперед и глядя на потертую кожу на коленях.

— Да, он искал тебя остаток дня и добрую ночь. Нам чуть не пришлось послать за ним поисковую группу.

Элли почувствовала, как ее лицо вспыхнуло, а в глазах защипало от угрозы новых слез. — Он сказал, что произошло? На озере?'

Глаза Эскеля сузились. 'Нет. Он бы не стал. Просто обругал нас и посоветовал не лезть в свои дела». Его тон стал серьезным. 'Что случилось ?'

Она закусила губу, не желая разрыдаться на глазах у подруги безобразными слезами. Однако он не пропустил сдавленный всхлип, исходивший от нее, несмотря на все ее усилия. Он

протянул руку, чтобы схватить ее за руку; оно было твердым, но не резким. 'Элли? Он причинил тебе боль? Когда она не ответила, хватка усилилась. — Клянусь богами, если он причинит тебе боль, я...

— Он ничего не сделал. Она сказала быстро. Эскель недоверчиво и неубежденно посмотрел на нее.

— Вам не обязательно защищать его. Ламберт — осел, мы все это знаем». Она протянула руку и осторожно отдернула его руку от своей.

«Честно говоря, Эскель. Это я причинил ему боль. Убрав руки, он положил их себе на колени.

«Теперь я должен знать, что произошло? Ты ударил его? Нет, это ты перевернул лодку. Он любит эту штуку. Небольшая ухмылка появилась на его покрытом шрамами лице. Она вздохнула, уверенная, что он не прекратит задавать вопросы. Именно поэтому она скрывалась в первую очередь, но она могла отрицать правду лишь до определенного момента.

'Мы поцеловались. А потом я убежал. Его глаза на мгновение расширились, а затем выражение его лица приобрело то испытующее качество, которое заставило его выглядеть так, будто он отдал бы все монеты на континенте, чтобы узнать ее мысли.

«Ха, идиот действительно сделал это». Она нахмурилась, но прежде чем она смогла расшифровать смысл его слов, он усмехнулся. — Он так плохо целовался, что ты убежал?

В обычных обстоятельствах она бы посмеялась над его шуткой и отмахнулась от нее. Однако в своем нынешнем состоянии отчаяния она покраснела сильнее и опустила голову, чтобы скрыть свое унижение. «Он неплохо целовался». Она пробормотала, стоя на коленях. — Я просто... я не могу... быть со мной для него вредно.

Насмешливое фырканье Эскеля заставило ее поднять голову. — Из всего, чем ты для него являешься, ни одно плохое точно не является. Она тяжело сглотнула, глядя в его знакомые янтарные глаза, дыра в ее груди пульсировала.

'Как он?' — слабо спросила она.

Он вздохнул. 'Не хорошо. Самый отвратительный из тех, кого я когда-либо видел. Он не хочет говорить об этом ни со мной, ни с Геральтом, и последние несколько дней он провел вне крепости. Я предполагал, что он ищет тебя. Она кивнула в ответ, ее настроение ухудшалось с каждой минутой. Эскель наклонился к ней, выражение его лица смягчилось. «Что бы ни происходило между вами, я уверен, что все уладится само собой. Хотя он не заслуживает твоей вины. Возвращайся со мной.

Его голос был успокаивающим, как бальзам на ее рану. Он снова протянул руку и заправил выбившуюся прядь волос ей за ухо. Когда его пальцы пробежались по ее щеке, она почувствовала успокаивающее тепло под его прикосновением. В глазах Эскель на мгновение вспыхнуло что-то более горячее, чем дружба, и она почувствовала, как у нее свело желудок, хотя и не в лучшую сторону. Ее охватило предчувствие, и она прервала контакт, медленно вставая. Он последовал его примеру. Мимолетный взгляд уже исчез, его обычное дружелюбное поведение вернулось на место.

— Думаешь, он когда-нибудь снова заговорит со мной? — спросила она, решив забыть тот странный момент, который они только что пережили.

— Конечно, он это сделает. Ему просто нужно время, чтобы преодолеть свое эго и признать, что не все зависит от него». Он поморщился, провел рукой по волосам. «Хотя, прежде чем он это признает, это будет Имбаелк и еще несколько человек».

Ее уши навострились от иностранного слова, того самого, которое Ламберт сказал ей месяц назад на перевале. Когда они вышли из сырой камеры, она искоса взглянула на ведьмака. — Что такое Имбаелк?

«Большинство людей отмечают этот праздник, когда зима переходит в весну. Люди собираются, чтобы поесть и выпить, приветствуя долгие дни и новый рост».

'Хм. Там, откуда я родом, очень похоже на Рождество. За исключением того, что это происходит в начале зимы и связано с рождением человека, жившего тысячи лет назад, в которого большинство людей больше не верит...». Она замолчала под озадаченным взглядом Эскеля. «Это религиозная вещь. Суть в том, что люди собираются семьями, чтобы напиться и съесть индейку. Подарки тоже в какой-то момент затрагиваются. Она улыбнулась ему, чувствуя себя немного глупо. Почему она болтала о Рождестве? Последний раз она праздновала это событие еще до того, как потеряла семью. Демоны в этом точно не участвовали.

'Звучит неплохо.' Он сказал любезно. Они погрузились в молчание, поднимаясь по узкой лестнице, соприкасаясь плечами в тесном пространстве. Когда они достигли главного зала, мысли Элли были настолько далеко, что она не заметила приближающуюся к ним Йеннифэр, пока волшебница не оказалась прямо на них.

— Я вижу, Эскель тебя унюхал. Спрятаться в подземельях было умно, никто не ожидал, что ты захочешь спуститься в это вонючее место. Ее ноздри раздулись, и она слегка отпрянула. Элли была почти уверена, что в этот момент от нее воняло заплесневелой соломой и крысиным пометом.

— Казалось бы, недостаточно вонючий. Ведьмак все-таки достал меня. В следующий раз мне придется улучшить свою игру в прятки». Она ухмыльнулась Эскелю, и он ответил тем же. Это забавное тепло разлилось по ней, и она быстро отвернулась.

— Ваше недавнее вторжение в камеры и ваша нынешняя гигиена не были причиной, по которой я пришел поговорить с вами. Йеннифэр бросила раздраженный взгляд на Эскеля и выжидательно стала ждать. Элли покачала головой.

— Ничего, если он услышит. Колдунья подняла прекрасную бровь, прежде чем снова обратить на нее внимание.

'Очень хорошо. Недавно я вернулся с одной из моих... миссий по сбору фактов и принес интересные новости. Мы с Трисс обнаружили мощную магию где-то в дальних уголках континента. Это бы осталось незамеченным, если бы мы не искали что-то похожее на то, что вы можете сделать».

— Что это было именно? — спросила Элли, ее интерес усилился.

«Шторм появился из ниоткуда. Потопил целый флот нильфгаардских бригантин. Никто не может определить, кто или что было ответственно за это, но что бы это ни было, оно определенно было могущественным».

— Может быть, ведермакар? - сказал Эскель. Элли бросила на него растерянный взгляд,

незнакомый с этим словом. Он заметил это и криво улыбнулся. — Погодный друид. Они, как и вы, могут управлять погодой.

Йеннифэр покачала головой. — Ни один живой ваедермакар не смог бы так быстро вызвать такую бурю. Нет, мы подозреваем что-то другое, какое-то магическое существо. Джинн или...

— Еще один демон? — вмешалась Элли. Йеннифэр пристально посмотрела на нее.

'Потенциально. Ты способен их почувствовать? Элли закусила нижнюю губу, не зная, стоит ли ей поделиться этой информацией.

— Я могу... хотя они должны быть рядом со мной. Она переводила взгляд с ведьмака на волшебницу, которая теперь вопросительно смотрела на нее. «Обычно я чувствую, когда кто-то рядом. Так мы следим друг за другом за пределами Чистилища.

Йеннифэр слегка наклонила голову. — И ты не чувствовал никого рядом с собой с тех пор, как приехал сюда?

Элли покачала головой. 'Нет.'

'Хм.' — сказал Эксель, потрясающе подражая своему брату. — Думаешь, другой демон мешает ей уйти? Волшебница пожала плечами.

«Здесь я хватаюсь за соломинку. Призрачный шторм — самое необычное событие, произошедшее с тех пор, как мы начали его поиски, но оно не могло иметь никакого отношения к ее проблеме. Даже если это связано, мы все равно понятия не имеем о мотиве. Есть какие-нибудь мысли о том , почему что-то хочет оставить тебя в нашем мире?'

'Никто. Хотя другой демон объяснил бы, что аннулируется только моя способность открывать врата. Эскель нахмурился в недосказанном вопросе. «Насколько мне известно, я все еще могу вызывать молнии и использовать большинство других своих способностей».

Наступила долгая пауза, пока Йеннифэр, казалось, обдумывала свои слова. «Насколько я понимаю, у нас есть два варианта». Она подняла идеально ухоженный палец. «Во-первых, мы залезем на дно и надеемся, что бы это ни было, оно потеряет интерес; я уверен, что это не так». Она добавила еще один палец к первому. «Во-вторых, мы вытягиваем его. Выясните, что именно оно собой представляет и чего оно от вас хочет. Она надменно ухмыльнулась им обоим. «Это был бы мой предпочтительный вариант».

— Как вы предлагаете нам... растянуть это? Сказал Эскель тихим рычанием. Было что-то защитное в том, как он внезапно повернулся так, что частично закрыл Элли обзор волшебницы, от чего у нее в ушах застучало кровь.

«Возможно, она не сможет обнаружить других демонов, если они не будут рядом, но эта штука, чем бы она ни была, определенно сможет ее обнаружить. Он может почувствовать, когда она пытается уйти, поэтому, подсчитав это, он сможет обнаружить, что она делает и другие вещи или какое-либо мощное использование магии. Если мы заставим вас использовать некоторые из ваших других способностей немного больше, сделайте несколько собственных волн, возможно, он заинтересуется настолько, чтобы прийти к вам в гости.

'Может быть. Или, может быть, он будет наблюдать издалека и нанесет удар, когда мы не будем к этому готовы». — пробормотала Элли, чувствуя ноющее чувство в животе при мысли о том, что она заманивает потенциально могущественного демона в крепость. Эскель фыркнул

на ее комментарий и покосился на нее.

— В нашей крепости полно ведьмаков-параноиков и еще больше волшебниц-параноиков Эл. Мы всегда готовы». Элли почувствовала, как ее брови опустились, когда он пренебрежительно отверг ее страхи.

— И никто из вас не просил об участии. Было бы несправедливо, если бы я обрушил на это место сверхъестественный ужас и заставил вас всех сражаться на моей стороне». При этом ведьмак повернулся и внимательно посмотрел на нее.

«Это то, что мы делаем . Если мы не будем сражаться сейчас, это будет просто еще один день, еще одна причина в будущем. Ламберт принял решение за всех нас, когда привел вас сюда, и если вы не позволите нам сражаться ради вас, то позвольте нам сражаться за него. Грудь Элли неприятно сжалась, когда субъект подошел в опасной близости к темноволосому и высокомерному ведьмаку.

'Дай мне подумать об этом.' Она сказала. Эскель и Йеннифэр секунду смотрели на нее, затем волшебница склонила голову.

'Конечно. Я буду в своей комнате всю следующую неделю или около того. Есть кое-что, что лучше сделать в безопасности этой крепости. С этим загадочным концом она развернулась в суматохе юбок и черных волос и целеустремленно пошла прочь от них. Эскель и Элли какое-то время смотрели ей вслед, прежде чем ведьмак медленно вздохнул.

«Постоянный, как всегда, этот. То, как Геральту это удается, до сих пор меня озадачивает». Он улыбнулся ей, и она неуверенно ответила. Ее разум все еще был отвлечен всем, что она только что узнала.

«Я всегда хотел спросить… что случилось с Геральтом, Трисс и Йеной?» Эскель по-совиному моргнул, глядя на нее, прежде чем его широкая улыбка растянулась на покрытом шрамами лице.

«О хо. Теперь, после настоящей информации? Он пошел по главному залу, продолжая говорить. «Мне еще многое предстоит раскрыть, позвольте мне свести это к следующему. Трисс и Йен любят моего брата, а он любит их обоих… но по-разному».

Элли не отставала от ведьмака. — Это мало что мне говорит, Эскель. Но все равно спасибо.' Эскель издал один из своих громких смехов, и зал наполнился звуками. Они продолжили выходить из главного зала и через двери во двор снаружи.

«Любовь — сложная вещь». — наконец сказал Эскель после долгой паузы. Она стратегически направляла взгляд вперед, глядя на заснеженный двор, давая глазам привыкнуть к резкому изменению освещения. Между ними повисло тяжелое молчание, как будто Эскель хотел сказать что-то еще, но, к ее большому облегчению, он вздохнул, прежде чем сменить тему.

— Крепость действительно выглядит намного лучше с тех пор, как ты сюда приехал. Все почти вернулось к тому состоянию, когда я был ведьмаком-стажером. Она почувствовала, как он подвинулся рядом с ней, наполовину повернувшись к ней лицом. «Когда я здесь рос, мы праздновали Имбаелк. Прошло много времени с момента последнего, но я думаю, что смогу убедить Весемира, тем более, что вы его еще не видели. Думаю, нам всем хоть раз не помешала бы передышка. Элли все еще обдумывала их предложение привлечь сюда потенциально разрушительную силу, не говоря уже о ее все еще бурных чувствах к Ламберту, но идея Эскеля звучала… хорошо. Когда она в последний раз что-нибудь праздновала? «Слишком долго», —

подумала она, и если ее время в этом странном, но увлекательном мире ограничено, то она могла бы извлечь из него максимум пользы.

'Звучит неплохо.' — сказала она, улыбаясь ведьмаку. «Может быть, я тоже смогу добавить что-нибудь из моего Рождества, раз уж сейчас зима».

Эскель ухмыльнулся ей. 'Отличный. Я сейчас пойду спрошу Весемира. Он прошел несколько шагов, затем повернулся и посмотрел на нее, все еще стоящую на ступеньках крепости. — Да, и не беспокойся о Ламберте. Как я уже сказал, он справится с этим.

Эскель зашагал через двор, намереваясь завершить свою новую миссию. Элли смотрела на его удаляющуюся спину и удивлялась, как ей всегда удавалось все так усложнять. Были времена, когда ей хотелось умереть в лесу рядом со своим братом. По крайней мере, тогда она не оставила бы после себя такого разрушения. Иногда буквально, но чаще всего она уничтожала людей, о которых она больше всего заботилась.

Импровизированное празднование Имбаелка/Рождества набрало обороты быстрее, чем Элли могла себе представить. Как только Весемир признал, что это звучало как хорошая идея – по словам Эскеля, он был в необычно хорошем настроении – тут же, казалось, в дело включились все остальные. Выполнив большую часть работы снаружи крепости, она переключила свое внимание внутрь и начала наводить порядок в тех частях крепости, которые они будут использовать чаще всего. А именно главный зал и кухни. Выгода была двойной; это дало ей повод с нетерпением ждать, уже давно у нее не было повода что-либо праздновать, а во-вторых, это отвлекало ее от некоего темноволосого ведьмака и рискованного плана, который Йен и Эскель продолжали ей навязывать. .

Она понимала их мысли, но мысль о том, чтобы заманить то, что привело ее сюда и теперь удерживает на месте, вызвала у нее тошноту. У нее был всего один привратник, и даже имея укрепленную крепость, полную ведьмаков и волшебниц, она не знала, что их ждет. Это также заставляло ее чувствовать себя сидящей уткой, ожидающей сезона охоты. Так что да, предстоящее празднование Имбаелка стало долгожданным облегчением от ее не совсем мирных внутренних мыслей.

С тех пор как Эскель нашел ее прячущейся в темнице Каэр Морхена, она встречалась с Ламбертом только дважды. В первый раз это было в буквальном смысле, когда она спешила из крепости, чтобы найти елку для главного зала – она убедила Весемира, что это ключевая часть Рождества, к его нежеланию. Она довольно сильно столкнулась с твердой кожаной стеной.

'Уф, извини. Не смотрела... — сказала она взволнованно, ее слова затихли, когда она увидела, с кем столкнулась. Ламберт смотрел на нее сверху вниз, его рот плотно сжался, как будто он подавлял его движение.

Затем он ответил лениво, растягивая слова, сардонически изогнув одну бровь. «Очевидно, что это не так. Куда ты так спешишь? Кто-то еще тебя целует?

Элли почувствовала, как ее щеки вспыхнули, а кулаки сжались. Ее волнение от того, что она нашла рождественскую елку, мгновенно испарилось.

'Нет. Если хотите знать, я собирался купить дерево. Высокомерное поведение Ламберта сменилось растерянностью.

«Какого хрена ты покупаешь дерево для Голубых глаз?» Ее грудь сжалась от легкого использования ее прозвища, но раздражение уже перешло черту.

— Это для праздника. Она сказала прямо. Его замешательство только усилилось.

«Никогда не слышал, чтобы Имбаелку требовалось дерево в доме. Это какая-то странная демоническая чушь?

«Это то, что мы делаем на Рождество. Мы занесем елку внутрь, украсим ее гирляндами, безделушками и всякой всячиной, а потом положим под нее подарки, ладно? Страстный порыв Элли закончился тем, что она совиным взглядом посмотрела на ведьмака. «На самом деле, теперь, когда я сказал это вслух, это звучит как чушь, но это моя чушь, так что... пошел ты на хуй». Не дожидаясь, пока он выстрелит в ответ, она прошла мимо него, так же, как он загораживал дверь, заставляя ее прижаться к его широкой груди. Отказавшись еще секунду смотреть на его глупое лицо, она убежала, даже не обернувшись. Если бы она это сделала, она бы увидела, что ведьмак все еще стоит на месте и смотрит на нее задумчивыми глазами.

Во второй раз она встретила его несколько дней спустя. Она была на кухне и пекла медовые пирожные, которые предложил Эскель, когда понял, что она сладкоежка. Она была настолько поглощена процессом замешивания теста, одновременно стараясь не съесть все содержимое банки с медом, что не услышала его приближения сзади. И только когда рядом с ней на столешнице появилась рука, она напряженно вскрикнула и подпрыгнула на внушительное расстояние в воздухе.

Повернувшись, она защитно прижала миску, которую использовала, к груди. Янтарные глаза и высокомерная ухмылка встретились с ней, и она почувствовала, как ее щеки вспыхнули без какой-либо другой причины.

— Что тогда здесь происходит? — сказал Ламберт весело и растягивая слова.

«Приготовление медовых тортов». Она сказала. Он посмотрел на нее на секунду, его глаза метнулись к чаше в ее руках и полупустой банке меда, стоящей на прилавке. На его лице отразилась тень неуверенности, и молчание между ними стало тяжелым из-за невысказанных вещей. Он собирался ее оскорбить? Дразнить ее? Уволить ее? Элли, честно говоря, не могла сказать. Все следы открытого, честного и уязвимого ведьмака из озера исчезли. Он практически вернулся к тому раздражающему и оскорбительному «я», с которым она изначально встречалась. Она догадалась, что именно это произошло из-за того, что ее отвергли. Стены рухнули в тот момент, когда она решила убежать от него. С того дня они до сих пор не упоминали ни о поцелуе, ни о его последствиях.

Ламберт, казалось, колебался, прежде чем поднял руку и неловко предложил ей что-то. — Я нашел кое-что, что, по моему мнению, тебе может пригодиться.

Медленно разжав пальцы, он обнаружил что-то блестящее, спрятанное на ладони. Элли почувствовала, как воздух перехватил горло, когда она посмотрела на идеальный сапфировый кулон, подмигивающий ей. Он красиво сверкал и был самым глубоким и насыщенным синим цветом, который она когда-либо видела. 'Это красиво.' Она выдохнула. Боялась, что если она будет слишком громкой, это может исчезнуть, как сон.

Ведьмак невозмутимо пожал плечами. — Я получил его в награду за убийство великана на земле какого-то богатого ублюдка. Пылится с тех пор, как мне некому было его отдать, и попытка продать что-то подобное — это больше проблем, чем пользы. Он протянул руку вперед, предлагая драгоценный камень сбитой с толку Элли.

— Вы хотите, чтобы оно было у меня? — спросила она, забыв все мысли об их некомфортном общении после такого неожиданного подарка.

— Думаю, можно было бы повесить его на это дурацкое дерево к празднику. В конце концов , это безделушка. Элли пришлось сжать губы, чтобы сдержать смех.

— Я не имел в виду эту безделушку. Кроме того, он слишком велик для рождественской елки. Дешево и безвкусно — вот название игры». Сказала она, улыбаясь, чтобы убедиться, что он знает, что она ценит эту мысль. Ламберт нетерпеливо фыркнул, а затем без предупреждения схватил одну из ее рук, все еще обнимая миску и повернув ее ладонью вверх. Он бросил туда сапфировое ожерелье и с видом окончательного сомкнул ее пальцы.

«Ну, ты все еще можешь получить это. Возможно, надеть его на праздник. Оно подходит к твоим глазам. Ошеломленная тишина повисла над ними обоими, и она почувствовала, как ее кожа вспыхнула от знакомого ожога от его прикосновения. Прежде чем ситуация стала еще более опасной, Ламберт откашлялся и отдернул руку. «Меня не волнует, что ты с этим сделаешь, но теперь это твоя проблема». Он резко развернулся на пятках и вылетел из кухни, оставив ее застывшей на месте, с сапфиром, теплым из его руки, который она держала в своей.

Ей не хотелось придавать этому слишком много значения. Он был не совсем вежлив, когда подарил ей это. Тем не менее, она тщательно спрятала сапфир в своих вещах. Заворачивая светящийся камень в остатки своих старых шорт. Он подходит к вашим глазам. Когда он сказал это, она не могла не вспомнить, как его губы снова ощущались на ее губах. С тех пор она следила за тем, чтобы рядом с ним всегда был кто-то еще.

В крепости начала царить атмосфера волнения, и даже обычно стоического Геральта можно было увидеть помогающим Весемиру с некоторыми традициями Имбаэлька. Похоже, ведьмакам уже давно не было чего праздновать, и это в какой-то степени помогло Элли почувствовать себя немного менее виноватой из-за своего навязывания. В день импровизированного совместного фестиваля она наконец представила свой шедевр. Сосна высотой тридцать футов, которую она нашла и настояла на том, чтобы заполучить ее; хотя Эскель не послушала ее протестов и потащила его обратно на холм, в крепость, с собой. Он стоял на почетном месте в главном зале, который она расчистила, конечно, под присмотром Весемира.

Всю последнюю неделю она проводила каждую ночь, украшая чудовищное дерево, тщательно накрывая его, прежде чем кто-нибудь встанет, чтобы не испортить эффект. Теперь она стояла, гордо улыбаясь своему достижению, скрестив руки на груди, когда все в то утро вошли на завтрак. Ей пришлось проявить творческий подход к украшениям, поскольку в этом мире не было универсального магазина рождественских вещей. Большинство «безделушек» на дереве были сделаны из случайного мусора, который она нашла в Каэр Морхене. Как она сказала Ламберту, самое лучшее — дешевое и безвкусное.

Она подвесила на веревке кусочки серебряных столовых приборов, куски металла, которые нашла в арсенале, даже пустые бутылки из-под зелий, которые фантастически преломляли свет сотен крошечных свечей, которые она поставила практически на каждой ветке. Она вспомнила, как кто-то говорил, что именно так викторианцы освещали свои деревья до изобретения электрического освещения. Она должна была признать, что они что-то задумали, поскольку мягкое оранжевое свечение мерцающего пламени, отражающегося от найденных ею кусочков мусора, обладало магическим свойством. Превращая их в тончайшие сверкающие безделушки. Это заставило все это казаться неземным и ностальгическим одновременно.

Весемир, как всегда, первым вошел в главный зал, за ним следовал Эскель. Ведьмак со шрамом тихо присвистнул и одобрительно кивнул. «Впечатляющий Эл. Похоже, его сюда подбросили феи.

Весемир хмыкнул, но отсюда она могла видеть восхищенный блеск в его глазах. Трисс, затем Геральт и Йен последовали за ними, и все издали звуки благоговения и удивления. Наконец, Ламберт вошел, его лицо приобрело характерное хмурое выражение. Элли затаила дыхание. До сих пор она была в восторге от всех их реакций, но втайне именно из-за него она волновалась больше всего. Ламберт умел глубоко ранить своим сарказмом и презрением, если бы захотел, она знала, что он будет ее самым жестким критиком. Сначала его глаза были прикованы к каменному полу, затем, когда он заметил, что остальные собрались в беспорядочную группу перед ним, он остановился и посмотрел вверх.

Элли много раз сожалела в своей жизни. Многие из них глубоко укоренились в том, кем она была. Однако в тот момент она никогда не сожалела ни о чем, кроме как сказать «нет» мужчине перед ней. Угрюмый взгляд растворился, как папиросная бумага в воде, его янтарные глаза расширились, пока она почти не увидела в них отражение дерева, моргающего ей в ответ. Его рот, так привыкший искривляться в выражениях отвращения и гнева, раскрылся в яркой ухмылке, и лицо озарилось ею. В этот момент она увидела мужчину, который открылся ей на лодке, того, кто рассмешил ее, того, кто ее поцеловал. Она увидела мужчину, которого полюбила вопреки разуму и суждениям, и того, кого она обидела, отвергнув его.

В конце концов его взгляд оторвался от дерева и остановился на ней. Внезапно в комнате оказались только они вдвоем. Элли почувствовала, что улыбается ему в ответ. Молчаливое извинение за все, что она сделала. Он кивнул, его ухмылка сменилась грустной улыбкой. Геральт что-то сказал, и громкий смех Эскеля вернул их обоих в реальность.

«Нам следует чаще приглашать сюда демона, если это означает вечеринку каждую зиму». Эскель подошел и обнял Элли за плечи, дружески сжав ее. Она не заметила, как мышцы Ламберта внезапно напряглись, его настроение потемнело в мгновение ока, когда он пристально посмотрел на брата. Она тяжело сглотнула и легко выскользнула из объятий другого ведьмака. Эскель моргнул, глядя на нее, но ничего не сказал и продолжил говорить.

— Говорю тебе, сегодня вечером я напьюсь, как сильван в винограднике. Жаль, что у нас не будет развлечений».

— Ну… ты так говоришь. — сказала Йеннифэр, и на ее лице расплылась лукавая улыбка. — Но я подумал, что мог бы пригласить на нашу маленькую встречу еще одного гостя. Если Весемира это устраивает? Она взглянула на старого ведьмака, ее вопрос повис в воздухе. Было более чем очевидно, что она не ожидала ответа, и независимо от результата, она собиралась сделать то, что планировала. Элли не могла не восхититься дерзостью этой женщины. Он мог соперничать даже с Ламбертом.

— Есть ли у меня выбор? — устало спросил всегда проницательный Весемир. Улыбка Йеннифэр стала шире, и Геральт нервно заерзал рядом с ней.

— Что у тебя запланировано, Йен? Он спросил. Она ласково похлопала его по руке.

— Я всего лишь приглашу твоего старого друга сыграть за нас. Я слышал, он лучший на континенте.

Геральт издал тихий вздох раздражения. — И как ты собираешься доставить Лютика сюда из Новиграда?

— Конечно, через портал. Улыбка Йена стала волчьей, и Элли почувствовала, как страх пробежал по ее жилам.

— Не то чтобы я был бы не рад увидеть этого тупого ублюдка, но разве это не привлечет к крепости много внимания? Порталы — очень мощный тип магии. У Геральта был тон человека, который долгое время пытался разобраться в сложностях отношений, но Йеннифэр была силой природы и, судя по тому, что Элли видела о ней, неконтролируемой.

«Именно моя любовь». Ее взгляд метнулся к Элли. Итак, вот оно, она заставляла свою руку. Решения больше не было, Йеннифэр собиралась попытаться привлечь эту сущность к ответственности за все это здесь сама. Внезапно Элли не захотелось праздновать, когда она посмотрела на собравшихся вокруг нее людей. Ведьмаки, которых она по-своему полюбила, две волшебницы, которых она научилась уважать за короткое время, проведенное с ними. После сегодняшней ночи они все могут оказаться в ужасной опасности. Ее взгляд остановился на Ламберте, он ответил ей настороженным взглядом. С таким же успехом она могла бы попытаться насладиться покоем, пока могла.

http://tl.rulate.ru/book/100009/3430587